

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-7-15

EDN: YINAJY

УДК 82.09

Научная статья / Research article

**А.П. Чехов и Д.С. Мережковский:
полемика о миссии русской интеллигенции**

О.М. Кириллина

Российская государственная академия искусств, Москва, Российская Федерация

 kirillinao@mail.ru

Аннотация. Рассматривается творческий диалог А.П. Чехова и Д.С. Мережковского о роли интеллигенции в обществе. В исследовании используются сравнительный и культурно-исторический методы. Рассмотрены причины глубокого раскола в среде образованной части общества на рубеже XIX–XX вв. и выявлены два принципиально разнонаправленных вектора в решении вопроса о роли интеллигенции в обществе. На основе изучения диалога Чехова и Мережковского, происходившего в ходе личного общения, в переписке и через критические статьи, установлено, что в понимании сути интеллигентности как внутреннего ощущения писатели заняли противоположные позиции. Анализ схожих тем и мотивов в их творчестве (образ Италии, сверхчеловек, Эдип, представления о красоте, о здоровой середине, отношение к «идеалистам») позволяет конкретизировать их позиции: Мережковский проповедовал преображение человечества в богочеловечество через революцию, кровь, Чехов выразил тоску по человечности. Сделаны выводы, что Чехов, обличая «отцов»-идеалистов, призывал служить людям, не боясь рутинного труд, не идеализируя народ, а Мережковский поддерживал претензии интеллигенции на роль истинной элиты общества, решительной, отвергающей принципы традиционного гуманизма и вдохновляющей массы.

Ключевые слова: сверхчеловек, мотив стыда, страх жизни, богочеловечество, гиперреализм, образ Италии, Эдип

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 ноября 2023 г.; отрецензирована 4 декабря 2023 г.; принята к публикации 30 декабря 2023 г.

© Кириллина О.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Кириллина О.М. А.П. Чехов и Д.С. Мережковский: полемика о миссии русской интеллигенции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 7–15. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-7-15>

A.P. Chekhov and D.S. Merezhkovsky: controversy about the mission of the Russian intelligentsia

Olga M. Kirillina

Russian State Specialized Academy of Arts, Moscow, Russian Federation

✉ kirillinao@mail.ru

Abstract. The author examines the dialogue of A.P. Chekhov and D.S. Merezhkovsky on the role of the intelligentsia in society. The study used comparative and cultural-historical methods. The analysis of the causes of the deep split among the educated part of society at the turn of the XIX–XX centuries is carried out and two fundamentally divergent vectors have been identified in solving the issue of the role of the intelligentsia in society. Based on a study of the dialogue between Chekhov and Merezhkovsky, which took place during personal communication, in correspondence and through critical articles, it was determined that in understanding the essence of intelligence (“intelligentnost”) as an internal sensation, the writers took opposite positions. An analysis of similar themes and motives in their work (the image of Italy, superman, Oedipus, ideas about beauty, about the healthy middle, attitude towards “idealists”) allows us to concretize their positions: Merezhkovsky preached the transformation of humanity into God-manhood through revolution, blood, Chekhov expressed longing for humanity. It is concluded that Chekhov, denouncing the “fathers”-idealists, called for serving people without being afraid of routine work, without idealizing the people, and Merezhkovsky supported the claims of the intelligentsia to the role of the true elite of society, resolute, rejecting the principles of traditional humanism and inspiring the masses.

Keywords: superman, motive of shame, fear of life, divine-humanity, hyperrealism, image of Italy, Oedipus

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 2, 2023; revised December 4, 2023; accepted December 30, 2023.

For citation: Kirillina, O.M. (2024). A.P. Chekhov and D.S. Merezhkovsky: Controversy about the mission of the Russian intelligentsia. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 7–15. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-7-15>

Введение

Полемика между А.П. Чеховым и Д.И. Мережковским о роли русской интеллигенции отразила глубину раскола в этой среде на рубеже XIX–XX вв. В 1840–1860 гг. споры славянофилов и западников, консерваторов, либералов и социалистов не стали препятствием к формированию общего кодекса чести русского интеллигента: их объединяло обостренное чувство справедливости и стремление к искуплению вины перед народом. Явный неуспех одной из самых решительных и благородных попыток сблизиться с крестьянством,

массового «хождения в народ» в 1870-е гг., заставил задуматься, почему народ не пожелал перенять «правильный» образ мыслей и не оценил жертву. Кроме того, для интеллигенции в то время актуальной стала тема противостояния мещанству, набирающей силу буржуазии. Часть интеллигенции, особенно творческой, вдохновлялась идеями Ф. Ницше. Философ считал, что за жаждой справедливости может скрываться зависть, бессилие, зато мечта о максимальной самореализации, о Сверхчеловеке, способном вынести правду и познать свою силу, пробуждает в человеке лучшее. Мережковский выразил этот принцип более радикально: он призывал ненавидеть человека во имя Богочеловека: «...смирение перед Богом – бунт против людей» (Мережковский, 1990, с. 434). Мережковский проповедовал ненависть к настоящему во имя будущего. В декадентах, по его мнению, именно из-за их крайнего неприятия реальности самозародился мистический огонь, из которого, верил он, возникнет религиозная революция: «Русские декаденты... совсем ушли из общественности в последнее одиночество... Но здесь-то именно... открылся неожиданный просвет... Русские декаденты – первые в русском образованном обществе, вне всякого предания церковного, самозародившиеся мистики...» (Мережковский, 1908, с. 99).

В этой атмосфере вызывающей казалась позиция Чехова. Одной из главных слабостей «передового» русского интеллигента, к какому бы лагерю он ни принадлежал, Чехов считал неумение полноценно жить в потоке будней, организовать свой быт и неспособность приносить ощутимую, конкретную пользу обществу. Но в массе резонеров, любителей красивых слов и жестов в его произведениях находится место и другой, истинной, интеллигенции: это герои, которые обладают такими качествами, как чуткость, сдержанность, терпение, скромность.

Обсуждение

Мережковский приглашает Чехова в круг избранных

В произведениях Чехова из-за того, что он категорически избегал тенденциозности и мистицизма и сосредоточился на изображении потока повседневной жизни, создается эффект гиперреализма. Мережковский видел мир через открывшуюся ему «истину», «Третий Завет», – и в прошлом, и в настоящем он искал «своих», тех кто, по его мнению, максимально близко подошел к открывшейся ему тайне. Поначалу он увидел в Чехове такого человека. В статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» (1888) он решил защитить писателя от нападков авторитетнейшего критика, духовного лидера народников Н.К. Михайловского. Тот обвинял Чехова в том, что, не занимая определенную позицию, рисуя контуры характеров словно в свете сумерек, он позволяет читателям оставаться безучастными. Мережковский соглашался с Михайловским, что задача писателя в том, чтобы вести читателя за собой, что чувство, вызываемое рассказами Чехова, «довольно неопределенно» (Мережковский, 1986, с. 333), но именно в этом, убеждал он, его сила, ведь и музыкальная мелодия воздействует максимально действительно потому, что ее неуловимость волнует больше, чем прозаическая ясность. Мережковский утверждал, что созерцание природы вызывает у Чехова

«...мистическое чувство, почти экстаз» (Мережковский, 1986, с. 337), которые обычно отвращают художников от изображения быта, но «женственно-нежное» (Мережковский, 1986, стр. 337) сочувствие горю человека не позволяет писателю отвернуться от повседневности. Мистическое начало в творчестве, синтез женского и мужского взгляда на мир – это, пожалуй, самые высокие похвалы, которыми мог одарить Мережковский. Но Чехов в письме А.С. Суворину (3 ноября 1888 г.) с раздражением отреагировал на эту явно комплиментарную статью. В частности, его возмутило, что Мережковский назвал неудачником его героя из рассказа «Святой ночью» (1886), талантливого, но неоцененного по достоинству сочинителя акафистов. Мережковский не почувствовал, с какой приязнью, даже нежностью описана жизнь этого героя: «Этого симпатичного поэтического человека, выходявшего по ночам перекликаться с Иеронимом и пересыпавшего свои акафисты цветами, звездами и лучами солнца, не понятого и одинокого, я представляю себе робким, бледным, с мягкими, кроткими и грустными чертами лица» (Чехов, 1986, с. 238). В этом рассказе Чехов особенно ярко продемонстрировал свою способность в потоке жизни находить незаметную, неброскую красоту.

Русская тоска и солнечная Италия

Чехов и Мережковский в марте 1891 г. случайно встретились в Венеции. Оба были в восторге от красоты Италии. Тем не менее Чехов во время их встречи подтрунивал над восторгами собеседника. Мережковский и Гиппиус, обиженные показным «равнодушием» Чехова к красотам Венеции, оставили воспоминания о том, как во время прогулки он интересовался «мелочами» (Мережковский, 1991, с. 248) и рассуждал о цене «девиц». Вообще в письмах Чехов часто о Мережковском писал с иронией – его раздражал пафос, «идеализмы» (Чехов, 1981, с. 142).

Когда Чехов вернулся из путешествия, Мережковский напомнил ему, что тот собирался написать пьесу о Марино Фальоре (Мережковский, 1891). Как пишет Е.Д. Толстая, «Чехова во всей этой дивной хрупкой гармонии парадоксально тянет к единственному месту, где в живописи зияет провал, черная дыра... Речь идет о вычеркнутом из памяти народа „революционере сверху“ – доже Марино Фальеро, который в 1355 г. возглавил заговор черни против Синьории. Он был казнен на Лестнице Гигантов, и его фигуру на коллективном портрете замазали черной краской» (Толстая, 1994, с. 205). Бунт, аристократ во главе толпы, свободолюбие – важнейшие темы в творчестве Мережковского. Но что могло заинтересовать Чехова? В «Рассказе неизвестного человека» (1892) он передал главному герою свой восторг от Венеции и наступившее ближе к концу поездки ощущение отчуждения. Когда происходит серьезный разлад между героем и любимой им женщиной, восхитительная Италия начинает раздражать его: «...горы, сады, башни, дома, на всем играет солнце, но все чуждо, равнодушно, путаница какая-то» (Чехов, 1977, с. 203). Грусть в этой стране кажется неуместной, и для героя Чехова Италия – это счастливый эпизод, который помогает ему на какое-то время забыть. Но даже в самое безмятежное время он обращает внимание на закрашенный портрет, этот трагический, глубокий образ.

В рассказе Чехова «Страх» (1892) мотив Италии возникает в момент, когда рассказчик описывает состояние предвкушения счастья перед его сви-

данием с женщиной. Он вспоминает слова из шекспировского «Венецианского купца», которые произносит Лоренцо во время прогулки с женой Джессикой: «...как сладко спит сияние луны здесь на скамье!» (Чехов, 1977, с. 137). Джессика – дочь ростовщика, обокравшая его и сбежавшая с Лоренцо. Прогулка их происходит в конце пьесы: Джессика знает, что ее отец получил еще один тяжелый удар судьбы, но это не огорчает ее. Рассказ Чехова тоже о предательстве. Счастливое свидание рассказчика состоялось благодаря опрометчивой откровенности его приятеля Силина, у которого он гостил. Тот считал рассказчика настоящим другом и поэтому признался ему, что безнадежно влюблен в свою супругу, что его гложет страх жизни, потому что он не понимает людей, жену. И рассказчик, ободренный этим признанием, решается соблазнить жену приятеля. Во время свидания он узнает, что эта женщина любит его: «В ее любви ко мне было что-то неудобное и тягостное, как в дружбе Дмитрия Петровича» (Чехов, 1977, с. 137). Поздно ночью Силин, столкнувшись с женой и увидев смущение гостя, догадывается обо всем и, с еще большим драматизмом повторив, что он вообще ничего не понимает в этой жизни, спешно уезжает из дома по делам. И рассказчик вдруг ощущает тот же страх, что и хозяин дома: «Страх... сообщился и мне. Я думал о том, что случилось, и ничего не понимал. Я смотрел на грачей, и мне было странно и страшно, что они летают» (Чехов, 1977, с. 138).

Мережковский страх этих героев объяснял потерей веры: «Бывшая некогда в религии, сила притяжения „к мирам иным“, сила мистической радости не исчезает с исчезновением религии, а превращается в равную и противоположную силу отталкивания, силу мистического ужаса... Ужасна, потому что непонятна, жизнь; еще ужаснее, потому что еще непонятнее, смерть» (Мережковский, 1908, с. 86). Однако цинизм героя Чехова подпитывает его уверенность в себе и в своем решении: «Жизнь, по его мнению, страшна, – думал я, – так не церемонься же с нею, ломай ее и, пока она тебя не задавила, бери все, что можно урвать от нее» (Чехов, 1977, с. 137). Героя пугает столкновение с реальностью, с глубиной чувств его жертв. Этот рассказ был напечатан в рождественском выпуске газеты «Новое время» 25 декабря 1890 г. Выбор темы для праздничного номера может показаться очень странным, провокационным: история измены, время действия – лето. Важнейшие жанровые требования к рождественскому рассказу не были соблюдены, но Чехов использовал характерный для таких произведений мотив страха (Капустин, 2021, с. 11–17). В классических рождественских рассказах героев пугают привидения и другие проявления потустороннего, и это подчеркивает, что героев Чехова больше пугает жизнь. Силин признается: «...иногда в тоскливые минуты рисовал себе свой смертный час, моя фантазия изобретала тысячи самых мрачных видений, и мне удавалось доводить себя до мучительной экзальтации, до кошмара, и это, уверяю вас, мне не казалось страшнее действительности» (Чехов, 1977, с. 131). Поиск бессмертия – главная тема творчества Мережковского. Страх перед жизнью, неспособность принять ее во всей ее сложности, непредсказуемости – главный мотив в творчестве Чехова.

В рассказе Чехова «Гусев», напечатанном в этом же рождественском номере, мотив глубины оказывается связан с темой смерти. Одним из толч-

ков к его написанию послужили впечатления Чехова во время его путешествия по Дальнему Востоку: «По пути в Сингапур бросили в море двух покойников. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду, и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море» (Чехов, 1975, с. 140). Рассказом «Гусев» Чехов словно расправляется со своим страхом смерти. Главного героя крестьянина Гусева, умершего на палубе, бросают в океан. Чехов описывает рыб в глубине, акулу, которая пытается полакомиться покойным. И эти детали напоминают о круговороте жизни. Гусев смерти не боится, но он беспокоится о своих родителях, о непутевом брате и его семье. Благодарность судьбе, смирение оказываются главными движущими силами в судьбе Гусева, позволяющими ему достойно принять неизбежность смерти.

«Постыдная» жалость

Чехов часто в героях с убеждениями подчеркивал их негибкость, ограниченность и даже жестокость. Показательна ошибка Чехова в письме Суворину по поводу образования Мережковского: он считал, что молодой «поэт» – студент-«естественник», склонный все рационализировать и даже упрощать: «Делить людей на удачников и на неудачников – значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения... Надо быть богом, чтобы уметь отличать удачников от неудачников и не ошибаться...» (Чехов, 1976, с. 53). Чехов видел еще одну опасность для русского интеллигента с убеждениями: такие люди с восторгом бросаются в борьбу, но, не получив все и сразу, гаснут. Чехов писал: «...русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость. Человек сгорая, едва спрыгнув со школьной скамьи, берет ношу не по силам, берется сразу и за школы, и за мужика, и за рациональное хозяйство, ...воюет со злом, рукоплещет добру... Но едва дожил он до 30–35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку» (Чехов, 1976, с. 110). Доктор Чехов ратовал за здоровье, за гигиену в быту, духовную и физическую.

Мережковский, напротив, видел в умеренности, в здоровой середине главное зло: только те, кто способен дерзнуть, «переступить», меняют мир. Он ценил революционный задор в радикальной русской интеллигенции и спорил с Чеховым, который благодаря трезвому подходу к жизни сумел разоблачить бескровный идеализм сочувствующего революционерам обывателя, но он не смог оценить правду народников: «...революционное народничество 70-х, 80-х, 90-х гг. – подлинный реализм, огненная действенность русского освобождения» (Мережковский, 1991, с. 291) Даже Сын Божий для Мережковского революционер, тот, кто переступил: «...Христос есть явление не нравственное, а религиозное, сверхнравственное, преступающее через пределы и преграды нравственного закона, явление величайшей свободы „по ту сторону добра и зла“» (Мережковский, 2000, с. 296–297). Среди героев русской литературы он выделял Раскольникова как одного из тех, кто довольно близко подошел к тайне Богочеловека. Но переступил он, по мнению Мережковского, как-то мелко, а потом, что еще ужаснее, покаялся перед толпой, то есть не дотянул даже до Человекобога: «Ужастен „властелин“ Раскольников, окровавленный, лезу-

щий к старушонке под кровать за „красною укладкою“; но, может быть, еще ужаснее Раскольников – „дрожащая тварь“, на коленях среди площади... Ведь единственную святыню свою, – лик „пророка и властелина“, лик дельфийского демона, воплощенного бога-солнца, „Человекобога“, предал он на поругание черни, сбросил в уличную грязь» (Мережковский, 2000, с. 288).

Творчество Чехова пропитано тоской по человечности, разумности, мере. Чувство вины, стыда в русских интеллигентах Чехова, как правило, оказываются слишком мучительными. В первой пьесе Чехова «Безотцовщина» (1878) главный герой, Платонов, утверждает, что понимает царя Эдипа, выколотившего себе глаза, – так глубоко его презрение к себе. Но это мучительное чувство стыда оказывается горьким лекарством против самодовольства и равнодушия. Мережковский в своей речи «Русская интеллигенция как духовный орден» (1927) к образу Эдипа обращается, чтобы обличить интеллигенцию: ее любовь к России приравнивается к инцесту. Объектом его постоянной критики были такие «слабости» русской интеллигенции, как обостренное чувство стыда, жертвенность, выражавшиеся в самоуничтожении, в преклонении перед народом. Чехов для него был писателем, который убаюкивал, примирял с действительностью. В 1910 г., опасаясь, что революционный запал остывает, Мережковский ставил это в вину интеллигенции, призывая ее распрощаться с «чеховщиной» (Мережковский, 1991, с. 252). Россию Мережковский не единожды, в том числе в статье «Суворин и Чехов» (1914), называл «свиньей-матушкой» (Мережковский, 1991, с. 288), как бы подчеркивая, насколько постыдна любовь интеллигенции к Родине.

В произведениях Чехова мечтатели редко делают мир лучше, зато куда больше пользы приносят те, кто находит свое дело, смысл жизни здесь и сейчас. В рассказе «Моя жизнь» герой, дворянин, решает порвать со своим кругом и становится простым маляром. Его отец на протяжении всего произведения произносит пафосные монологи о долге элит, о людях, призванных хранить «святой огонь»: «Пойми ты, тупой человек, ... что у тебя, кроме грубой физической силы, есть еще дух божий, святой огонь, который в высочайшей степени отличает тебя от осла или от гада и приближает к боже-ству! Этот огонь добывался тысячи лет лучшими из людей» (Чехов, 1977, с. 193). Отец героя обладает особой физической силой. С детства он бил сына и тот, даже повзрослев, продолжал бояться его. Однако сын находит в себе силы идти своим путем, используя унаследованную от отца силу в своей работе. Постепенно он завоевывает симпатии окружающих, тем самым смягчая общество. Чехов призывал таким образом стыдиться не «грязной работы», не рутинного труда, а пустословия и гордыни.

Заключение

Позиции Мережковского и Чехова отражают полюса в самоопределении интеллигенции на рубеже веков: позиционирование себя как элиты, избранных, чьи усилия направлены, прежде всего, на собственный рост, или же выбор пути-служения, труда, основанный на чувстве долга. Для Мережковского жизнь истинная может быть только на острие, в дерзании. Он жаждал коренного переворота, мистической революции. В рассказах Чехова совест-

ливость, деликатность, эти типичные свойства интеллигентного человека, могут переходить в «мягкотелость», безвольность, неспособность дать отпор негодьям, но именно данные качества, соединенные с желанием терпеливо трудиться, не очень характерном для интеллигенции, в конце концов, вызывают у окружающих отклик и таким образом меняют мир к лучшему.

Список литературы

- Капустин Н.В. Рассказ А.П. Чехова «Страх»: жанровые метаморфозы и обертоны смысла // Вестник Ивановского государственного университета. 2021. № 2. С. 11–17.
- Мережковский Д.С. Акрополь: избр. лит.-критич. ст. М.: Книжная палата, 1991. 351 с.
- Мережковский Д.С. Александр I // Собрание сочинений: в 4 томах. Т. 3. М.: Правда, 1990. 558 с.
- Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 588 с.
- Мережковский Д.С. Письмо А.П. Чехову 14 сентября 1891 г. // ГБЛ. Ф. 331. К. 51. Ед. хр. 58. Л. 4–5.
- Мережковский Д.С. Революция и религия // Не мир, но меч: к будущей критике христианства СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1908. С. 41–119.
- Мережковский Д.С. Чехов и Горький // Грядущий хам Чехов и Горький. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. С. 43–101.
- Толстая Е. Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 – начале 1890-х годов. М.: Радикс, 1994. 397 с.
- Чехов А.П. В сумерках. Очерки и рассказы. М.: Наука, 1986. 576 с.
- Чехов А.П. Письмо А.С. Суворину 30 декабря 1888 г. Москва // Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 2. М.: Наука, 1976. С. 108–116.
- Чехов А.П. Письмо А.С. Суворину 9 декабря 1890 г. Москва // Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 5. М.: Наука, 1975. С. 138–141.
- Чехов А.П. Письмо В.С. Миролюбову 17 декабря 1901 г. Ялта // Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 10. М.: Наука, 1981. С. 141–142.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 7. М.: Наука, 1977. 735 с.

References

- Chekhov, A.P. (1975). Letter from A.S. Suvorin December 9, 1890 Moscow. *Complete Collected Works and Letters* (vol. 5, pp. 138–141). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1976). Letter from A.S. Suvorin December 30, 1888 Moscow. *Complete Collected Works and Letters* (vol. 2, pp. 108–116). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete Collected Works and Letters* (vol. 7). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1981). Letter from V.S. Mirolyubov December 17, 1901 Yalta. *Complete Collected Works and Letters* (vol. 10, pp. 141–142). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1986). *At dusk. Essays and stories*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Kapustin, N.V. (2021). Story by A.P. Chekhov's *Fear*: Genre metamorphoses and overtones of meaning. *Bulletin of Ivanovo State University*, (2), 11–17. (In Russ.)
- Merezhkovsky, D.S. (1891). Letter from A.P. Chekhov September 14, 1891. *GBL*. F. 331. K. 51. Units hr. 58. L. 4–5. (In Russ.)
- Merezhkovsky, D.S. (1906). Chekhov and Gorky *The Coming Boor Chekhov and Gorky* (pp. 43–101). St. Petersburg: Izdaniye M.V. Pirozhkova Publ. (In Russ.)
- Merezhkovsky, D.S. (1908). *Revolution and religion "Not peace, but a sword: Towards a future criticism of Christianity"* (pp. 41–119). St. Petersburg: Izdaniye M.V. Pirozhkova Publ. (In Russ.)

- Merezhkovsky, D.S. (1990). Alexander I. *Collected Works* (vol. 3). Moscow: Pravda Publ. (In Russ.)
- Merezhkovsky, D.S. (1991). *Acropolis: Selections literary-critical articles*. Moscow: Knizhnaya Palata Publ. (In Russ.)
- Merezhkovsky, D.S. (2000). *L. Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Tolstaya, E. (1994). *Poetics of irritation: Chekhov in the late 1880s – early 1890s*. Moscow: Radiks Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кириллина Ольга Михайловна, кандидат филологических наук, профессор межфакультетской кафедры гуманитарных дисциплин, Российская государственная академия искусств, Российская Федерация, 121165, Москва, Резервный пр-д, д. 12. ORCID: 0000-0002-0152-9665. E-mail: kirillinao@mail.ru

Bio note:

Olga M. Kirillina, Candidate of Philology, Professor of the Interfaculty Department of Humanities Disciplines, Russian State Specialized Academy of Arts, 12 Rezervnyi Proezd, Moscow, 121165, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0152-9665. E-mail: kirillinao@mail.ru